

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ С ПОЛОЖИТЕЛЬНЫМ ПРАГМАТИЧЕСКИМ ПОТЕНЦИАЛОМ В РОССИЙСКОМ МЕДИА-ДИСКУРСЕ

Социальные изменения, произошедшие за два последних десятилетия в России, привели к коренному преобразованию отношений в нашем обществе. Своего рода неосознанным отражением нового состояния страны стали и изменения в русской речи и, в частности, активизация целого ряда моделей метафорического представления современной действительности.

Причиной необычайной продуктивности метафорических номинаций в речи является сочетание в их структурной организации нескольких функций. Наряду с информативной функцией, метафора обладает широким спектром прагматических возможностей: эстетических, оценочных, стилистических и экспрессивных. Способность к акцентированию является особенно важным фактором в условиях письменной речи, не обладающей эмоционально-прагматическими возможностями экстралингвистических средств.

Обилие метафор давно стало отличительной чертой российского публицистического дискурса. Это связано, в первую очередь, с моделирующей функцией метафоры, которая способна изменить видение мира «адресата», способ восприятия им окружающей действительности [Рикер 1990: 425]. По большому счету, речь идет о специфическом виде речевого воздействия, имеющем целью внедрение в сознание под видом объективной информации неявного, но желательного для тех или иных групп (политических, социальных) содержания таким образом, чтобы у реципиента формировалось на основе данного содержания мнение, максимально близкое к требуемому.

Активизация целого ряда метафорических моделей в современных журналистских текстах во многом объясняется стремлением автора воздействовать на эмоциональную сферу реципиента, так как опыт показывает, что эмоциональное превалирует над рациональным у большинства потенциальных реципиентов.

Кроме того, система метафорических моделей в дискурсе СМИ служит своеобразным индикатором состояния общественного сознания, в ней отражается мировидение действительности участниками коммуникации.

Следовательно, метафорические модели, с одной стороны, **отражают** представление о современной российской действительности, а с другой – **формируют** это представление.

Выяснение природы и сущностных характеристик явления метафоризации ведется в современной науке преимущественно в двух принципиально различных направлениях – семантическом и когнитивном. Первое направление описывает механизм и результат переноса, основываясь на концепциях значения. Когнитивное же направление использует для этой цели понятия «анalogии», «знания». Основной тезис когнитивной теории метафоры сводится к следующей идее: метафоризация основана на взаимодействии двух структур знаний – когнитивной структуры «источника» и когнитивной структуры «цели» [Баранов, Караулов 1991].

Метафора – это когнитивный инструмент, позволяющий понимать абстрактные по своей природе понятия в более конкретных терминах. Устойчивые соответствия между областью источника и областью цели, фиксированные в языковой и культурной традиции данного общества, получили название «метафорические модели» [Баранов, Караулов 1994]. Другими словами, метафорическая модель – это некий стереотипный образ, с помощью которого организуется опыт, знание о мире. К тому же для когнитивной лингвистики характерны представления о том, что метафора – это не средство украшения речи, а основная ментальная операция, проявление аналоговых возможностей человеческого мышления. Метафоры заложены уже в самой понятийной системе мышления человека, это особого рода схемы, по которым человек думает и действует.

Современная когнитивная лингвистика считает метафору не тропом, призванным украсить речь и сделать образ более понятным, а формой мышления. В коммуникативной деятельности метафора – важное средство воздействия на интеллект, чувства и волю адресата. Соответственно, анализ метафорических образов – это способ изучения ментальных процессов и постижения индивидуального, группового и национального самосознания [Чудинов 2001: 12].

В метафорических моделях, как известно, зафиксировано наивное представление о действительности. Это наблюдение подтверждает сложившееся в когнитивных исследованиях мнение о кумулятивном характере терминов, которые аккумулируют общезыковую и специальную информацию [Володина 1996, 2000], логические схемы и сублогические модели языка [Чернейко 1997] – иными словами, «речемыслительная деятельность человека опирается на языковую модель мира и использует хранящиеся в сознании концепты, существующие как синтез наивных и научных представлений о пространстве и времени, переплетенных между собой сложными взаимоотношениями разного типа и закрепленных в языковом знаке, и отраженных посредством особого вида коммуникации» [Манерко 2002: 47].

Представляется, что в последние годы, наряду с характерными для постперестроечных медиа-текстов метафорическими моделями, обладающими негативным прагматическим потенциалом («война», «болезнь», «преступное сообщество» – см. об этом, напр.: [Чудинов 2001; Ряпосова 2002]), в современной российской политической публицистике стали появляться и мета-

форические модели с вектором положительной оценочности. Причем в СМИ можно встретить не только отдельные разрозненные метафорические номинации, но и целые прагматические тексты, представляющие собой развернутую позитивную метафору – «новая Россия» выздоравливает, встает с колен, с ней считается Запад.

Основная цель таких публикаций, на наш взгляд, – возродить в сознании граждан России представление о сильном Государстве, сильной руке Правителя и общей социальной стабильности. Сам факт появления таких текстов в СМИ, по-видимому, позволяет говорить о некотором изменении настроений в обществе.

Очевидно, что при всей непредсказуемости общественного развития существуют ключевые понятия, образы, слова, которые практически одинаково близки всем субъектам мирового социума, поскольку обозначают универсальные, коренные интересы homo sapiens. Это **жизнь, семья, труд**. Эксплуатация данных ключевых концептов становится лейтмотивом в создании позитивного внутреннего имиджа России.

Рассмотрим некоторые наиболее употребительные в современном политическом дискурсе метафорические модели с позитивным прагматическим потенциалом.

Одним из наиболее традиционных для политического дискурса образов является понятийная сфера «дом». Объясняется это тем, что данная сфера всем хорошо знакома, содержит в себе высокий эмоциональный потенциал и жизненно необходима для каждого. К тому же идеи строительства, дома связаны с надеждой на лучшее будущее.

А.П. Чудинов отмечает, что понятийная сфера «дом» обладает всеми необходимыми условиями для метафорической экспансии: во-первых, она детально структурирована и находится в кругу естественных, «извечных» интересов человека; во-вторых, имеет высокий эмоциональный потенциал; в-третьих, концепт «дом» обладает развернутой сетью элементов внутренней организации: для русского сознания дом – это и здание, и жилье для отдельной семьи, и семья как таковая, и множество периферийных компонентов, обычно отражаемых словарями как оттенки значений; наконец, в-четвертых, дом – это основная, наиболее естественная и комфортная сфера существования человека и его семьи [Чудинов 2001: 39].

Рассмотрим особенности структурирования исходной понятийной области для концептуальной метафоры «дом» в политической сфере.

Изначально метафора дома связана с позитивными прагматическими смыслами: дом – это укрытие от жизненных невзгод, семейный очаг, символ фундаментальных нравственных ценностей; соответственно, строительство – это динамика, планы на будущее, стремление сделать жизнь лучше.

Традиционный путь развития этой метафоры – нежелательность и даже невозможность разделения дома, который был построен совместными усилиями и рассчитан на совместное проживание, который вместе защищали от врагов и оберегали от стихийных бедствий.

Россия — наш общий дом. Мы — самые ближайшие друг другу соседи. И потому так важна наша общая и взаимная ДОБРОжелательность и

*ДОБРО*деятельность. Во имя нас самих же и во имя России (Известия. 2006. Окт.).

Мы не против кого-то. Мы – за то, чтобы каждый гражданин был патриотом не на своем, местечковом уровне, а ясно понимал, что Россия – наш общий Русский Дом. И мы принимаем всех, кто любит Россию (Утро. ру. 2006. Ноябрь.).

Патриотическое воспитание необходимо не только для объединения нации перед лицом внешней угрозы. Россия – страна, где живут представители как минимум двух сотен разных народов. Всех нас объединяет осознание того, что Россия – наш общий дом, созданный при государствообразующей роли русского народа. Когда же это понимание исчезает, естественные проявления любви к малой Родине выливаются в местечковый шовинизм, заявления о превосходстве своей нации над всеми остальными, расплозание по тесным и темным национальным квартиркам. Единство России будут пытаться разрушить извне, опираясь именно на этнический фактор (Известия. 2006. Окт.).

При этом мигранты далеко не всегда уважают наши обычаи и традиции, что вызывает естественный протест коренного населения. Между тем это они в гостях, а мы – дома. Поэтому очевидно, что именно мигранты должны приспособливаться к нам, а не мы к ним (Там же).

Еще одна получившая распространение метафорическая модель – «семья». Развитие метафоры «Россия – одна семья» связано, в первую очередь, с эксплуатацией таких признаков семьи, как неразрывность родственных уз, необходимость заботиться даже о «заблудших сынах», наставлять, наказывать неразумного ребенка. Метафорическая модель «государство – одна семья» представляет отношения между государством и гражданами, между лидером страны (царем, президентом, генеральным секретарем и др.) и народом, между социальными силами, между регионами и иными субъектами политической деятельности. Эти отношения могут концептуально представляться как отношения в семье, члены которой ощущают кровную связь между собой и душевную привязанность друг к другу, где младшие должны проявлять уважение к старшим, глава рода может при необходимости и наказывать неразумного [Терпак 2006].

В советскую эпоху политическая метафора родства воссоздавала отношения в идеальной семье, моделировалась скорее не обычная семья, а некий оторванный от реальной жизни идеал. Семья – это прежде всего любящие друг друга супруги, счастливые и благодарные дети, поддержание лучших традиций, прочные связи между всеми близкими и дальними родственниками.

Однако в период «перестройки» рассматриваемая концептуальная метафора «стала отражать уже не «лучший экземпляр», а самую обычную, если не сказать откровеннее, советскую семью со всеми ее внутренними противоречиями, дрызгами, мелкими обидами и постоянными напоминаниями о родственных обязанностях» [Чудинов 2001: 31].

Еще буквально несколько лет назад древняя метафора родства использовалась несколько иначе, нежели сейчас: «семья» представлялась как

состоящее из «братков» преступное объединение, не связанное родственными отношениями, а возглавляемое «крестным отцом» [Чудинов 2000].

Сегодня коммуниканты все чаще используют метафорическую модель «Россия – одна семья» исключительно в положительном смысле.

И лидеры государства, и государственные СМИ обязаны подчеркивать, что Россия уже много веков назад сложилась как многонациональное, многоконфессиональное государство, что она по определению является семьей равноправных народов... (Независимая газета. 2006. Нояб.).

Эксплуатация данной метафорической модели основывается также на существующем в сознании русского человека представлении о главе государства как об «отце родном», «батьке», «покровителе», который в ответе за всех, который легко и уверенно справится со всеми трудностями. Отсюда – возникновение метаноминаций типа «Путин – наш государь».

*Понятно, что при таком устройстве власти для поддержания стабильности глава государства должен **царствовать** максимально долго, желательна всю жизнь. И престолонаследие должно происходить по удобным для бюрократии правилам, желательно вообще без участия народа. Как раз поэтому нашу властную вертикаль сейчас трясет как в приступе малярии. Путин обещает невиданное – выборы **самодержца**, притом никак не желает указать на преемника. И это в условиях, когда парламент и СМИ полностью подконтрольны, и любая политическая конкуренция в стране исключена* (Ежедневный журнал. 2007. Март).

*Диалектика! Система беременна этим Пожизненным Президентством – но сама родить не может. Чтобы родить, нужна **монаршая воля** – истинно «кесарево сечение». Безусловно, это был бы переход накопленного авторитарного количества в качество. Но – трудно оно переходит...* (Там же).

*Вся страна с любопытством наблюдает, когда же **самодержец** покарает Михаила Зурабова* (Ежедневный журнал. 2007. Апр.).

Также большое распространение в современном политическом дискурсе получают отдельные (не относящиеся к определенной группе) метафоры, «работающие» на создание положительного имиджа страны и ее правителя.

Подмена была допущена неспроста. Развал Советского Союза был невозможен без мощнейшей идеологической обработки населения огромной страны и, прежде всего, утраты чувства патриотизма, стирания грани между грехом и праведностью.

*Но Россия пережила времена безвременья. В последние годы мы видим, как наша страна «сосредотачивается», постепенно восстанавливая утраченное могущество. Как **выздоровливающий** после тяжелой болезни, она вновь начинает «обрастать мускулами». И находит всё большее понимание, то, что гражданское общество не может быть создано без патриотизма. Патриотизм отличает гражданина от раба* (Независимая газета. 2006. Янв.).

В приведенных отрывках используется метафора выздоровления. Наше прошлое – тяжелая болезнь, наше будущее – сильный, здоровый организм, удел которого – могущество.

Перемены стали своего рода костылями, опираясь на которые, Россия выстояла в мире прогресса (Ведомости. 2006. Март).

Нередко подчеркивается, что процесс выздоровления идет сложно и медленно.

Сегодня история вновь бросает нам вызов. Снова Смутное время. Снова сдавать экзамен. Велика уверенность, что мы его сдадим. До сих пор, после всех разорений и хаоса, мы обладаем огромным потенциалом. Демократические реформы не сломали костяка страны. Наши остов (вера и традиции) цел. Храмы стоят и вера жива. Это главное. А мясо, как говорится, нарастет. Беда будет, когда нам кости сломают. Сегодня основная задача состоит в том, чтобы кости уберечь, – именно по ним целятся наши враги (Ведомости. 2006. Март).

Здесь также действует метамодель «болезнь – выздоровление». Причем, выздоровление возможно при одном неперемennom условии – «храмы стоят и вера жива». Здоровье российского «организма» зиждется на вере.

Все мы сообща строили наше государство при государствообразующей роли русского народа, и если этот механизм подвергнется коррозии – разрушится вся система (Независимая газета. 2006. Авг.).

В примере используется метафора «государство—механизм». В сильном, здоровом государстве все институты должны работать, как часы, без сбоев, спешки либо отставания. Нельзя допустить поломки этого механизма, коррозии, иначе повредится вся государственная система.

Предварительный анализ журналистских текстов показывает, что метаноминации с агрессивной оценочностью типа «Россия – мир криминала» и «Россия – милитаризованное общество» используются в журналистских текстах гораздо чаще, нежели модели с оценочными векторами благополучия и восстановления. Однако сам факт возникновения в информационном пространстве метафорических моделей с позитивными прагматическими смыслами дает право предположить, что ситуация в стране начинает меняться в лучшую сторону.

ЛИТЕРАТУРА

Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора: Материалы к словарю. М., 1991.

Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. М., 1994.

Володина М.Н. Термин как средство специальной информации. М., 1996.

Володина М.Н. Когнитивно-информационная природа термина (на материале терминологии средств массовой информации). М., 2000.

Манерко Л.А. Научная картина мира в свете когнитивно-дискурсивной концепции в лингвистике // Научно-техническая терминология: Научно-реферативный сборник. Вып. 2. М., 2002. С. 47 – 48.

Пеньковский А.Б. Радость и удовольствие в представлении русского языка // Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991. С. 148 – 155.

Рикер П. Живая метафора // Теория метафоры. М., 1990. С. 425 – 455.

Ряпосова А.Б. Метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом в политическом нарративе «Российские федеральные выборы (1999 – 2000 годы)»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.

Терпак М.А. Английский лингвокультурный концепт «семья» и способы отражения его коннотативного содержания в языке (на материале семантического поля «Родственные отношения»): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Самара, 2006.

Чернейко Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М., 1997.

Чудинов А.П. Политический нарратив и политический дискурс // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2000. Т. 8. С. 69 – 77.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры [1991– 2000]. Екатеринбург, 2001.